

ВИДЕНИЕ ФИЛОСОФА НА ЛЬДИНЕ

Лем Станислав

Перевёл с польского Язневич В.И.

Господа, существует бесконечное количество измерений пространства конфигураций, в которое можно поместить результат анализа того, что было до сих пор сказано. Ведь от таких имён, как святой Фома, Платон, Аристотель, вглубь уходят корни всего универсума человеческой мысли, так что на самом деле следовало бы принести сюда библиотеки всего мира и тогда – шучу – можно было бы адекватно обсудить и упорядочить философские вопросы. Я же обоснуюсь на противоположном полюсе и вообще не буду говорить об этих мыслителях.

Начну с того, что сейчас меня занимает, а именно: я пишу книгу о футурологии, поэтому должен охватить авторов, строящих прогнозы человеческого бытия в будущем, насколько это возможно. Я искал также философа, который выступал бы неким противовесом, противопоставлением относительно профессионалов футурологии, и как испытание судьбы взял Герберта Маркузе. Это человек, образованный гуманитарно и философски, в некоторой степени современный преемник крупных давних работ системной философии, это человек, всесторонне неудовлетворённый и недовольный современным миром, его институтами, и ему противостоит этот мощный клан футурологов, которых для репрезентативности пусть представляет Герман Кан. Чисто формально различие между трудами философии и футурологии в том, что каждое философское течение, каждая школа достраивают одну определённую систему, в рамках этого выдвигаются утверждения, поддерживающие единство, а в то же время опытный футуролог не строит единый прогноз, а представляет их целое альтернативное собрание. Каждая философия в рамках своей исторически возникшей или существующей школы объясняет, что есть так и так, что кроме того должно быть так и так. В то же время футуролог представляет не только прогнозы как аксиомы (подобно астроному, предсказывающему очередное солнечное затмение), а преподносит предсказания, перемешанные в одной упаковке с предписаниями и предупреждениями. Для футурологов того направления, которое сегодня является ведущей силой, а сам Кан – условным знаком относительно предпринимаемых усилий, в действительности имеют значение только инструментальные ценности.

Этим футурологам представляется, что так как они не признают какой-либо конкретной философской школы, особенно в области экспертизы ценностей, то тем самым они устранились из сферы распространённых философских споров, касающихся ценностей, оставили их за собой, как устаревший хлам. На практике, как это легко обнаружить, они являются эклектиками, а клеём, соединяющим куски, взятые из разных доктрин, для них служит узкий прагматизм. При построении прогнозов, при конструировании миров будущего – один раз стандартных, а другой – с учётом отклонений от стандарта, – они рассматривают феномены культуры как второ- и даже третьестепенные. Если не обращать внимания на их словесные возражения и комментарии, они считают культуру лишённой всякой автономии, они даже не считают её смазкой, которая в машине должна смягчать взаимодействие зубчатых колес. Против такой практики, осознавая положение вещей, выступает философ, представляющий традиции онтической и аксиологической мысли, при этом оказывается совершенно бессильным перед футурологами. Бессильный не только в том очевидном смысле, что за ним не стоят правящие круги, что он не финансируется мощными корпорациями. Он бессилен прежде всего потому, что океану обнаруженных корреляций и тенденций,

статистике, формулам он может противопоставить только свое «вето» и метает молнии в то, что сегодня часто называют «истеблишментом». Таким образом, философ, которому я симпатизирую, признающий неинструментальные ценности, те, на которых держится культура, демонстрирует свою беспомощность, потому что моральное негодование может быть первоначальным импульсом, пробуждающим от летаргического сна, призывающим к умственной работе, но оно не может заменить реальную программу действий. Ситуация такого обессиливания философии раздражает и ужасает меня, потому что я, подходя к ней неакадемическими путями, частным порядком, никогда не считал, что она является дисциплиной, способной только предоставлять информацию паскалевскому тростнику, что единственной ролью философии является сообщать этому тростнику, что и кто его ломает, и что когда она это делает, то её роль уже выполнена. Но раз уж сейчас не так, как представлялось раньше, что бытие нам дано безусловно, и самое большее, что мы можем, это только описывать его, а есть так, что можем формировать его множеством способов, то в ситуации такой свободы нужно иметь проводника, и именно философия должна им быть. В то же время она на это не способна. В этом и заключается антиномия культуры, поражённой вторжением технической цивилизации.

Футурологи действительно лучше информированы, чем мы, но только используют эту более полную информацию совершенно извращённым способом. А немодернизированная методологически, неинформированная философия оказывается бессильной, способной только на бесплодный протест. Конкретные события, например, майские [выступления студентов в 1968 г. – В.Я.] во Франции, сделали героем дня – совершенно мимо его воли и одновременно символом так называемой «контестации» – Маркузе. Таким превознесением он сам был вроде бы удовлетворён, но и смущён из-за отсутствия конкретной программы. Футурологи же, которые изучают социальные явления, но в отличие от политических деятелей в них не вмешиваются, то есть желающие сохранить видимость людей науки, изучающих общество с объективностью исследователей звёзд и планет, на самом деле имеют программу. Для того чтобы быть политиком, как и для того, чтобы быть философом, не обязательно произносить речи на митингах или публиковать онтологические труды. Футурологи занимаются и политической, и философской деятельностью, но только в этом явно не признаются. На практике путеводной нитью конструкции Германа Кана является философский прагматизм и политическая позиция сохранения статус-кво. Следует полагать, что, когда благородный утопист вступает в схватку со здравомыслящим прагматиком, последний всегда в конце концов побеждает. В этом свете – если речь идёт о возвращении к источникам – я говорю о трёх великих именах, которые здесь прозвучали. Признаюсь, правда, что я не очень хорошо знаю, что больше можно сделать с мыслью, выражающей верность почитаемым традициям мастеров исторической мудрости.

Платон, святой Фома, Аристотель – прекрасно, но на самом деле акты такого признания их наследия кажутся мне недостаточными. История привела нас к временам, в которых всё подверглось инструментализации. Например, у Кана можно прочитать о возможных изменениях веры, о появлении новых «мутаций» веры в XXI веке, если к тому времени технические продукты будут интеллектуально доминировать над человеком: он воображает, что тогда могут быть созданы некие вероисповедования «наоборот», выводящие ценность человечества именно из факта «умственной неполноценности» человека по сравнению с умной машиной. Какой-то вид мазохизма, переселённый в трансцендентность.

Умственная ограниченность, ненадёжность, слабость человека по сравнению с его собственным творением могут стать залогом новой метафизики. Кан рассматривает такие идеи исключительно инструментально, то есть задаётся вопросом, следует ли и как применять тормозные колодки к новым верованиям, и не лучше ли в каком-то случае применить к ним ускоритель. На плане некоей «футурологии веры» эта концепция представляется мне довольно примитивной, но она раскрывает отношение футуролога к

неинструментальным ценностям: они являются не чем иным, как элементами расчёта, как блоками для выстраивания соответствующих шаблонов. Как будто подобная позиция позволяет фактически выйти за рамки аксиологических конфликтов, решений о ценностях, а ведь такого места для практических действий нет и быть не может. Но на практике эта тотальная инструментализация торжествует, потому что похоже не только на то, что Бог на стороне более сильных батальонов, но и на то, что побеждают более информированные. Тем самым традиционная философия находится на такой льдине, на таком очень красиво построенном кристалле, который движется в неизвестном направлении, уносимый волнами свободно развивающихся технологий. Такая философия кажется мне закостенелой, занятием, можно сказать, эскапистским. А при этом футурологи одобряют любые изменения, релятивизирующие все ценности, не только на поле норм и законов, в области культуры, но и на доселе нетронутой территории – телесной организации человека. Ведь начинается вторжение в тело – биотехнологии.

Несколько десятилетий назад можно было ещё повторять за поэтом, что каждая эпоха имеет свои цели, потому что период жизни одного поколения был короче, чем период крупных социотехнических и культурных преобразований. Но это время спокойной жизни больше не вернётся. Несколько десятилетий назад люди начали летать с помощью холста, простыней и спиц от зонтиков, а теперь летают уже совершенно по-иному и в другие, внеземные места. Так что если аналогичными темпами будет запущена биотехнологическая эволюция, то с человеческим телом можно будет сделать абсолютно всё, и тогда мы будем лишены всяких основополагающих установок, указателей направления, осознания того, что нерушимо и что необходимо.

А ведь разум всегда стремился к тому, чтобы распознать в мире его необходимые качества. Когда они исчезнут, мы окажемся в ситуации космонавтов в звёздном пространстве, где нет ни верха, ни низа, где всё возможно из-за отсутствия незыблемой опоры, и где абсолютно неизвестно, что делать. Ибо, действительно, если благодаря совершенным технологиям обретается почти совершенная свобода действий, то уже никакие, как эмпирические, так и инструментальные расчёты не могут ответить нам на вопрос, что следует делать. Те, кто спешат нам на помощь, подобно футурологам, не предлагают никакого кодекса неизменных ценностей, и единственный принцип, исходящий из их практических действий, выглядит так: машина работает, поэтому надо делать всё, чтобы машина работала дальше. Если можно изменять сердца, то следует изменять сердца, если можно заменить легкие синтетическим органом, то и это уместно сделать, и т.д. Таким образом, на практике о том, что делать нужно, решает то, что в настоящее время сделать можно. Такое автоматическое выравнивание достижимого с правильным похоже на тенденцию нигилизации культуры, потому что аксиология заменяется совершенно неразумной верой в то, что именно тот порядок, в котором науки могут поставлять нам свои открытия, должен стать проводником судьбы человека.

В заключение хочу подчеркнуть представленную неприводимость: философия сама по себе и футурология сама по себе, и если не произойдёт подходящее ситуации объединения мыслей и сил, то технология окончательно приберёт к рукам культуру, включит автономные ценности как элементы арифметических операций в расчёты и приведёт нас к исторически беспрецедентному состоянию. Чем-то одним является зло, воплощённое личностно, какого-нибудь Атиллы или других исторических монстров, а совершенно кем-то иным является прекрасно образованный, оснащённый современными знаниями человек, который принимает состояние полной релятивизации в области культуры, которому даже в голову не приходит, что это направление движения можно подвергать сомнению. При оптимистическом участии футурологов технология может съесть философию, от которой останется самое большее, как об этом когда-то в другом контексте писал Борхес – занятие чисто «развлекательное» – поиск не истинных выводов и не высших ценностей, а только мысленное конструирование фантастических систем, вызывающих большое удивление.

От переводчика.

Настоящий текст на русском языке публикуется впервые и представляет собой доклад, прочитанный Станиславом Лемом в рамках дискуссионного заседания на тему «Мэтры современности», организованного в 1969 году редакцией польского краковского журнала «Znak». Первоисточник перевода: *Lem S., Wizja filozofa na krze. – Znak (Kraków), 1969, nr 7/8, s.900-904.* В последовавшей дискуссии философов, опубликованной там же (s.905-920), принял участие и Станислав Лем (брал слово 7 раз). Повторно доклад опубликован в сборнике: *Lem S., Diabeł i arcydzieło. Teksty przelomowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018, s.187-193.*